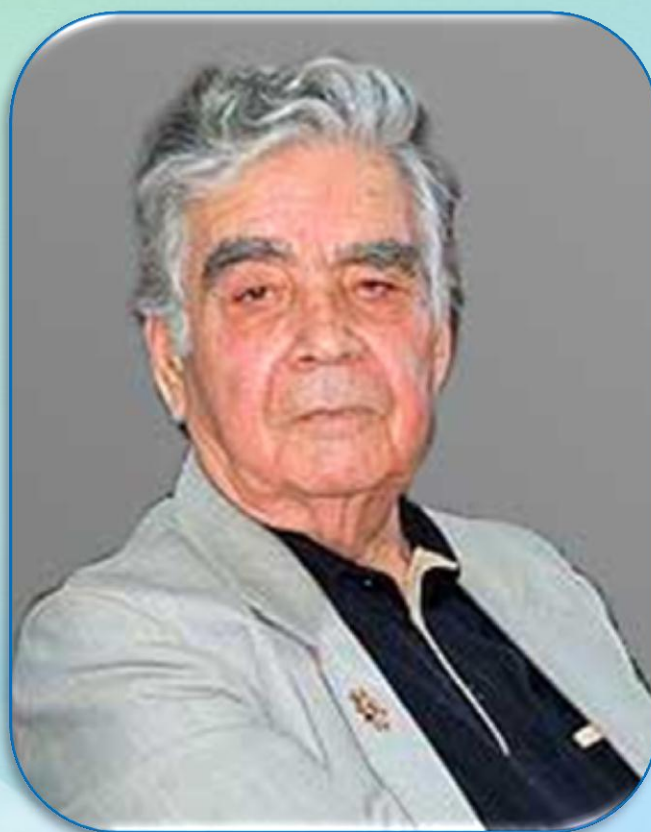

**Егоров
Николай
Матвеевич**

Николай Егоров родился 27 мая 1923 года в Грозном.

Участник Великой Отечественной войны, выпускник Грозненского военно-пехотного училища. Воевал на Юго-Западном, Западном, 2-м Прибалтийском фронтах. Пехотинец, командир взвода разведки, командир роты, начальник штаба, командир стрелкового батальона, первый помощник начальника штаба стрелкового полка. Майор в отставке. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, 22 медалями.

Член Союзов писателей и художников России. Выпускник факультета журналистики Московского государственного университета, Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Журналист. Работал в газете «Грозненский рабочий», журнале «Дон», главным редактором художественных программ Ростовского телерадиокомитета. Лауреат литературных премий имени Михаила Шолохова, Виталия Закруткина, Алексея Недогонова. Живет в Ростове-на-Дону.

Из воспоминаний Н. Егорова «Если бы не война, я наверняка пошел бы учиться в институт физкультуры, - вспоминает Николай Матвеевич. - Она, треклятая, с одной стороны все перевернула, с другой - определила совсем иной жизненный курс.

Мой родной город - Грозный. Зеленый, уютный и удивительно спортивный. Судите сами. Грозный, будучи куда меньше Ростова, имел три стадиона, велотрек, открытые плавательные бассейны. Сюда охотно приезжали видные команды, Сам я по сути «многоборец» - увлекался одновременно боксом, гимнастикой, имея здесь хорошие разряды, стрельбой, городками, бегал военизированные кроссы. Интересно, в спортпрограмму тогда входили сейчас диковинные дисциплины - дуэльная стрельба, поднятие штанги одной рукой, плавание на боку. Все хотелось попробовать.

У меня, выходца из небогатой семьи, имелось три увлечения - спорт, стихи и прозаические наброски, а также рисование и лепка всяких фигур-скульптур.

Нужно заметить, Грозный имел абсолютно интернациональный характер. Мирно уживались рядом русские, армяне, чеченцы, ингуши, кроме того евреи, эстонцы, латыши, неведомо как сюда попавшие немцы.

Помню даже смешное. Мой товарищ чеченец Хасан Тутиев приходил к нам домой специально тайком поесть... свиной колбасы, что запрещалось исламом. Нужно сказать, чеченцы и ингуши народ сам по себе незлой, трудолюбивый. В голодные тридцатые горцы привозили в Грозный кукурузную муку, фрукты, орехи, недорого продавали, чем горожане как-то подкармливались.

- 22 июня 1941 года я с товарищем отправился с утра побегать в окрестностях, - продолжает свой рассказ Николай Егоров. - Возвращаемся, видим, город какой-то притихший. Грозный всегда отличала чистота, а тут по улицам летят бумаги. И люди какие-то подавленные. Что случилось? Война!

Мы прямо с улицы направились в военкомат записываться в армию добровольцами. А там уже

толпа, пробиться нельзя. Знаете, когда о патриотизме твердят, это одно, когда же он проявляется вот так, от души, - совсем другое.

Нас выставили, но мы сюда принялись ходить, как на работу. В конце концов, однажды оказались в шеренге, но вместо фронта попали в военное училище. Пехотное. Ах, как там курсантов гоняли, одни сорокакилометровые марши в горы чего стоили! Я же, спортом закаленный, сумасшедшие нагрузки переносил спокойно. Более того, ухитрялся еще и боксом заниматься. Последний раз на ринг вышел тридцатого декабря - на показательный бой с партнером, как сейчас помню, Демидовым. Назавтра же: «Подъем!» - и на железнодорожную станцию. В звании лейтенанта, чем вместе со всеми гордился.

Меня однажды Анатолий Калинин, наш донской мэтр пера, в прошлом фронтовой репортер, спросил: «Ты, Николай, тогда, в 41-м, хоть чуть-чуть сомневался в победе?» И услышал в ответ: «Никогда!» Действительно, нас воспитали в таком духе, мол, пойдём и фашистов быстренько разобьём, какие дела.

Но и позже, когда немцы подходили к Волге, к Владикавказу, нас крепко били, истинно гранитная вера оставалась. Любовь к Родине в крови, так мы устроены.

Лишь позже, побывав в кровавом пекле, пришла ясность, с каким сильным врагом сошлись насмерть. И кого в итоге победили.

- На фронт мы, шесть десятков отличников училища из разных рот, ехали в классном вагоне, ехали весело, пели, шутили, - рассказывает Николай Матвеевич. - Нас выпустили командирами стрелковых взводов, думалось, скорее бы в бой. Прибыли в Воронеж, в штаб Юго-Западного фронта, получили назначения.

Я - в 1-ю гвардейскую дивизию генерала Ивана Руссиянова, прославившуюся в битве под Москвой. На месте нам, новичкам, сразу задача: «Ранило командира разведвзвода. Кто пойдет?» Ребята на меня косят, я еще в училище к тому вроде присматривался. Что ж, разведка так разведка, где наша не пропадала.

Первый бой принял одиннадцатого января, взводу приказали уточнить данные и вывести на новые позиции полк. У села по пути нарвались на немцев, нас обстреляли. Таким вышло боевое крещение.

В литературе и кино разведчиков идеализируют и героизируют. Вообще-то правильно, обычный солдат хоть и рискует постоянно жизнью, не так ходит под Богом, как они. Еще разведчик в общем понимании прежде всего охотник за «языками». Тоже верно, но еще есть и засады, и вызов огня на себя, чтобы засечь огневые точки противника. За «языком» мне пришлось ходить лишь раз, и то неудачно - у села, цели рейда, нас выдали собаки своим лаем. Другого довелось хлебнуть вволю.

Должен заметить, в разведку попадали самые отборные. И когда я принял взвод, эти элитные парни приняли меня, восемнадцатилетнего, с пониманием, а ведь среди них были даже те, кто успел побывать и на финской войне. Не последнюю роль сыграла моя спортивность, атлетическая хватка.

Нас, гвардейцев, бросали в самое пекло, на самые опасные участки фронта.

Живого немца увидел нескоро, до того - лишь убитых. А этот вышел к нам сам сдаваться в плен. Помню, в белой каске, белом обмундировании, правда, всю заляпанном грязью. У фашистов лучше было с питанием и боеприпасами, того и другого навалом. У нас - зимняя одежда, «романовские» полушубки. Зато после Сталинграда и у нас с оружием проблем не стало. Раньше на роту имели всего по паре автоматов, потом дефицит ликвидировался. Появились и танки Т-34, теперь и воевать можно было получше.

В боях под Харьковом я получил ранение в лопатку и осколок в ногу. На Прибалтийском фронте в Псковской области мы, ведя разведку боем, взяли высоту и ее же обороняли, меня подстерегли ранения в руку и челюсть. Сражались тогда близ пушкинских мест, уже потом ездил туда, посмотрел, повспоминал. И к поэту приобщился, и к боевому своему вчера.

- Будучи начальником штаба, я старался не докладывать сразу о взятии того либо иного населенного пункта, - говорит Егоров. - Не спешил. Ибо вдруг немцы выбьют отсюда, а начальство потребует вернуться любой ценой, цена же эта - горы трупов. Такое случилось, как сейчас помню, под деревней Лады. Собственно, деревня - сплошные сгоревшие избы с торчащими трубами. Мы наступали по центру, сосед с края прорвался на менее защищенном участке и поспешил вот так доложить о локальном успехе. Вдруг вижу, к нам бежит наш командир роты - разгоряченный, без шапки. Между тем, сам полк отступил, мы приказа не имели, в виду вражеских танков с ящиком гранат заняли круговую оборону.

А командир к нам бежал потому, что его до того призвал к ответу комдив: «Где твои разведчики?» - «Не знаю» - «Лети и найди, не то расстреляю!» На войне нравы крутые, без церемоний.

Потом, когда бой отгремел, в овраге меня вызывает генерал. Он оказался самим Иваном

Руссияновым, легендарным комдивом 1-й гвардейской. Произошел небезынтересный диалог. «Ты где был?» - его вопрос. «На высотке» - «Почему не отступил, как все?» - «Так приказа не получали» - «Что собирался делать?» - «Да высоту оборонять» - «А удержал бы?» - «Не знаю» - «И что бы делал, если бы не удержал?» - «Как-то убежали бы, прорвались». От такой непосредственности он рассмеялся. Напряжение спало. И, представьте, Иван Никитич меня, младшего офицера, запомнил. Когда после войны отмечали 25-летие дивизии в Москве, он меня выделил среди даже командиров полков, пригласил домой, с ним пили чай и вспоминали лихие и одновременно славные годы. Очередное ранение поставило в 44-м крест на моем боевом пути.

С 1946 г. по 1956 г. Н. Егоров работал литсотрудником, заведующим отделом, ответственным секретарём газеты «Грозненский рабочий». Завершив среднее образование в вечерней школе, учился на факультете журналистики МГУ, а в 1955 г. окончил Высшую партийную школу при ЦК

КПСС (отделение журналистики). В том же году Н. Егоров дебютировал в Грозненском книжном издательстве очерком «Первая осень». Затем вышли книги его стихов «После дождя» в 1956 г. в Грозном и «Мы остаёмся молодыми» в 1958 г. в Нальчике.

С 1957 г. Н. Егоров живёт в Ростове. В 1957 - 1960 гг. он работал ответственным секретарём журнала «Дон», в 1961 - 1963 гг. - главным редактором областного комитета по телевидению и радиовещанию.

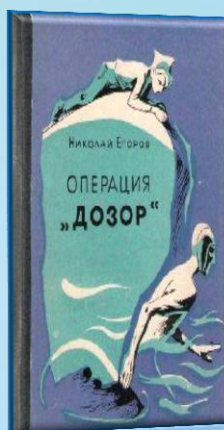
С 1977 по 1992 г. одновременно преподавал журналистику и литературу в Ростовской ВПШ, затем в Северо-Кавказской академии государственной службы.

В 1962 г. Н.М.Егоров был принят в Союз писателей СССР, с 1991 г. состоит в Союзе российских писателей.

В 1996 г. он был избран сопредседателем Ростовского отделения СРП, с 2001 г. по 2003 г. возглавлял правление этой организации.

В 2007 г. Н. М. Егоров был принят в Союз художников России.

Николай Егоров работал как в поэзии, так и в прозе, и в публицистике, ему принадлежит множество переводов стихов и прозы. Николай Егоров - лауреат журналистской премии им. Шолохова, литературных премий им. Закруткина, Недогонова, премии за лучшие произведения о селе. Он награждён двумя губернаторскими премиями, имеет правительственные награды - ордена Красной звезды, Отечественной войны 1 степени, 20 медалей, отмечен тремя почётными знаками. В 2010 г. ему вручён наградной знак Союза художников России «Мастерство – духовность - традиции».

Основные публикации
ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Первая осень. Очерк. - Грозный: кн. изд-во, 1955.

После дождя. Стихи. - Грозный: кн. изд-во, 1956

Мы остаёмся молодыми. - Нальчик: изд-во
«Эльбрус», 1958.

Синий плёс. Лирика. - Ростов-н/Д: Ростиздат, 1960.

Нет на земле покоя. Лирика. - Ростов-н/Д: Ростиздат,
1962.

Как трудно сказать - прощайте. Повесть. - Ростов-н/Д:
Ростиздат, 1964.

Я спешила в детский сад. Поэма. - Ростов-н/Д:
Ростиздат, 1965.

Стихи и поэма «Расстрелянный рассвет» (Серия
«Донская поэзия»). - Ростов-н/Д: Ростиздат, 1967.

Очень белые кучевые облака. Повесть. - Ростов-н/Д:
Ростиздат, 1967.

А любишь ли? Публицистика. - Ростов-н/Д:
Ростиздат, 1969.

Доверие земли. Публицистика. - Ростов-н/Д:

- Ростиздат, 1970.
Перед присягой. Записки солдата Сергея Туманова. —
Ростов-н/Д: Ростиздат, 1973.
Парень - что надо! Повесть. - Ростов-н/Д: Ростиздат,
1975.
Всадник на вороном коне. Повесть. - Ростов-н/Д:
Ростиздат, 1976.
Операция «Дозор». Повесть. - Ростов-н/Д: Ростиздат,
1977.
Время решать. Публицистика. - Ростов-н/Д:
Ростиздат, 1978.
Осенние костры. Повесть. - Ростов-н/Д: Ростиздат,
1980.
Благословенье отчей земли. Стихи. - Ростов-н/Д:
Ростиздат, 1987.
Храни тебя любовь. Проза, стихи, поэмы. - Ростов-
н/Д: Ростиздат, 1992.
До прощанья! Стихи. - Ростов-н/Д: изд-во «Гефест»,
1997.
Жажда начала. Стихи. - Ростов-н/Д: изд-во «Гефест»,
1997.